

У ДОБРОГО ВОЛШЕБНИКА

Спектакль окончен. Из дверей театра выходит народ. Луна щедро льет весенний голубой свет... В такие вечера люди не торопятся домой. Хочется подольше побыть на улице, подышать чистым воздухом. Как всегда, говорят о спектакле. Неожиданно разговор свернул на художественное оформление...

Так, из беседы со зрителями и впечатления, вынесенного из личного знакомства с театральными художниками-постановщиками, появились эти заметки.

В нашем областном драматическом театре два художника: Константин Константинович Кулибин и Василий Михайлович Кошкин. Оба — воспитанники театра, в прошлом ученики театральной мастерской. Оба полны творческого задора, трудолюбия, стремления находить выход из трудностей, о которых зритель и не подозревает.

Декорации! Без них не обойдешься. А сколько труда стоят они художнику. Поиски творческого воплощения замысла режиссера. Иной раз немало приходится побегать, пока найдешь недостающие цвета палитры, иллюстративный материал.

Но недаром театр называют добрым волшебником. Настанет миг, погаснут лампы, и перед зрителями возникнут поистине сказочные дворцы, дремучие леса, огромные просторы полей...

Далеко то время, когда сцену загромождали сложными, тяжелыми декорациями. Теперь их делают легкими, предельно лаконичными. Художник-декоратор, как опытный хирург, обязан работать точно, красиво и чисто. Главная его задача — раскрыть художественно-изобразительными средствами идею спектакля.

В сезоне этого года Вологодский театр поставил две пьесы А. Арбузова — «Иркутская история» и «Потерянный сын». И та и другая — живой, невыдуманный рассказ из жизни нашего современника, о мятежной молодежи, о заводе, о месте человека в жизни. Обе оформлял художник В. Кошкин.

В драме «Иркутская история» (постановка заслуженного деятеля искусств РСФСР А. В. Шубина) действие разворачивается стремительно, напоминая крупные, энергичные, в полную силу цвета мазки живописца. Художник-декоратор, втягиваясь в вихрь этого поле-

та, вынужден как бы легкими штрихами угля наметить место действия.

...Узкая лента помоста. Вдали видны шагающие экскаваторы, котлованы, новые дома, ершистые пики елок. В. Кошкин, оставляя ангарский пейзаж, превращает мостик то в берег, то в пол рабочего общежития, где справляют свадьбу, то в дорогу, по которой идут на встречу своей судьбе герои пьесы. На сцене ничего лишнего. Все обыгрывается актерами. Особенно выразительны по художественно-постановочному решению сцены «У больницы», «На берегу Ангары», в них чувствуется простор, дышится легко и свободно.

Однако, несмотря на удачные в целом декорации, с художником спектакля кое в чем можно не согласиться. Задник с панорамой противоположного берега Ангары слишком детализирован. Это придает ему жесткость, лишает сцену нужной перспективы. Мало удачен и световой эффект ярких пятен на темном фоне воды.

Пьеса «Потерянный сын» (режиссер А. В. Шубин) в отличие от «Иркутской истории» лишена бурной сцены действия, постоянного контакта с публикой. Но, благодаря умело найденному режиссерскому замыслу и декоративному оформлению, спектакль проходит стремительно, увлекательно и взволнованно.

Небольшой садик на окраине. Старые деревья, угол дома, клумба с цветами. Сюда, в родное гнездо, приезжает из Москвы Антон — писатель. Для того, чтобы сменить картину сада на интерьер и продолжать действие, при секундной темноте, на сцену выдвигается легкий павильон. Это дает почувствовать непрерывность во времени.

К. С. Станиславский писал, что искусство театра — это искусство действия и все в нем нужно переводить на действие. Вот это качество — действенность декорации — характерная черта В. Кошкина. Все средства своего искусства, выдумку он подчиняет раскрытию биографии героев, каждый предмет, показанный художником, рассказывает о них.

Но в бочку с медом достаточно

НА ТЕАТРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

«Это же декорации не живописные, а условные», — скажут нам. А разве условные декорации должны быть обязательно скучными, вялыми? Настоящая театральная декорация немыслима без хорошей живописи, без колористического решения, по которому могли бы судить о внутренней красоте или изломах души героев пьесы. Без живописи достижение жизненной правды на сцене невозможно.

Одна из причин отсутствия живописи в декорациях заключается в том, что художники вообще не делают ни живописных эскизов, ни макетов, что давало бы возможность представить себе будущую декорацию в цвете и трехмерном пространстве сцены. Поэтому живопись пьесы «Потерянный сын» не отвечает тонким акварельным тонам А. Арбузова. Атмосфера сада не насыщена радостью встречи, любви, ревности, массой повседневных хлопот и событий, наполняющих наши дни, не насыщена поэтичностью русской природы.

Было бы несправедливо не отметить еще одну пьесу — «Остров Афродиты» А. Парниса, поставленную режиссером В. Пятковым и художником В. Кошкиным. Этот спектакль в какой-то мере вознаграждает зрителя живописной выразительностью художественного образа.

Основное место действия — гостиная в вилле Оуэнса на острове Кипр. Колонны дорического ордера поддерживают массивный антаблемент. По обе стороны спускаются лестницы. В огромном проеме видны развалины колоннады и море. Ниже фриза, опоясывающего комнату, черно-белое полотно абстрактной живописи, яркие кресла. Здесь хозяйничают колонизаторы-англичане.

Смотря спектакль, попутно задаешь себе вопрос: какое назначение придал художник данному интерьеру виллы? Или это внутренний двор греческой архитектуры или современная гостиная? Если художник хотел показать типичное здание эгейской архитектуры, то эта архитектура была во многом различна с архитектурой самой Греции, как различна и живопись фриза. Мало объясняют свое происхождение и лестницы, которые делают интерьер скорее похожим на колодец. Таким образом, в оформлении нарушены соразмерность, соотношение и назначение отдельных частей, стилей.

И все же, несмотря на отмеченные недостатки, декорации в пьесе «Остров Афродиты» выполнены с большой любовью. После спектакля трудно отделаться от впечатления фиолетовой ночи юга, темно-синего неба в сочетании с болезненным светло-желтым цветом костюмов англичан и красного, кровавого халата Глории Патерсон.

Недавно театр с успехом поставил премьеру Н. Погодина «Цветы живые» (режиссер А. Щербина). Успех пьесы сказался сразу. Немало потрудились в создании спектакля и художник-постановщик К. Кулибин.

Гаснет свет... На авансцене, на фоне темно-зеленого бархата горят красные цветы. Занавес раздвинулся и в захватывающей дух перспективе — памятник В. И. Ленину. Напряженная пауза... На втором занавесе чеканные слова «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда». Ленин, «Великий почин». Так, с первых минут спектакль получает подлинно погодинское публицистическое звучание и сохраняет его до последней картины.

вливать ложку дегтя, и аромат меда теряется. Такой ложкой дегтя в декорациях В. Кошкина являлась их слабая живописность.

В этом спектакле К. Кулибин впервые использовал световую проекцию. По велению умелых рук художника появился огромный заводской цех, крыша дома, садик, плавающие по небу облака. Незабываем разговор уснувшего от усталости Николая с портретом В. И. Ленина (заслуженный артист РСФСР В. Сафонов). Почти на глазах у зрителей оживает большой портрет читающего вождя. В. И. Ленин ведет беседу с молодым рабочим «как живой, с живыми говоря!...». Эта сцена по-настоящему захватывает. В ней прекрасно передано ощущение того, что сила ленинского учения непобедима.

Своей простотой и гармоничным сочетанием объемных архитектурных форм, тонкой нюансировкой цвета, продуманностью планировок запоминаются картины «В парке», «В зале политпросвещения», «В кафе».

Трудно найти более благородного посетителя театра, чем дети. Маленькие зрители сразу отдают свои сердца добрым героям пьесы. Они радуются их удачам, хмурят брови и хором предупреждают о грозящей опасности и вот-вот ринутся на сцену, чтобы расправиться с силами зла.

Идет детская сказка «Мал, да удал» Вл. Гольдфельда (постановка режиссера В. Пяткова, художник К. Кулибин).

Когда мы рассматриваем чудесные шкатулки Палеха, перед нашими глазами воскресают неподимые богатыри, Сивка-Бурка, волшебные замки — неизменные спутники детства. И мы благодарим мастера не только за изящество отделки шкатулки, сколько за исчезнувшие сны, которые он пробудил в нас.

В декорациях к пьесе «Мал, да удал» художник взял за основу искусство палехских мастеров. Яркие пятна на темном фоне. Прекрасный замысел. И, надо сказать, он удался бы, если бы глаза не резали излишняя торопливость, порой небрежность в исполнении и кое-какая недоговоренность.

Совсем неудачна картина леса (I акт II карт.). В ней все перемешалось: и столетние дубы с человеческими лицами, и высокие горы, и наши северные елочки.

Зато прекрасное впечатление оставляет декорация к картине «У мельницы» (I акт III карт.). Сказочная, реальная простота и непосредственность здесь соединились в одно целое. Улыбающиеся березки, на буторке мельница, еще березка. Вот и все. А сколько поэзии, красоты и нашего родного русского чувства!

Смело, эффектно решено появление огненного смерча. Он действительно живой, он страшен, в него поверили, и это не может не радовать художника — если его искусству верят, значит наступила творческая зрелость.

Казалось бы, на этом можно закончить наши заметки, если бы не мелочи. Порой просматриваешь содержательную, глубокую книгу и досада берет — слишком она нерадиво сделана в техническом отношении. Злит и плохая бумага, печать и главное — опечатки. Таких технических небрежностей — опечаток немало и в декоративном оформлении спектаклей Вологодского драматического театра.

Кочующих из спектакля в спектакль декораций давно не существует. Забыли их и в нашем театре. Но время от времени на подмостках нет-нет да и появится какая-нибудь деталь-кожевница. В спектакле «Иркутская история» рядом со стилизованным деревом поставили почти реальную березку. Все знают, что она здесь не к месту, не вяжется с общим оформлением и все-таки ставят. Та же злополучная «красавица» переходит в пьесы «Потерянный сын» и «Цветы живые».

Трудно объяснить, почему дирекция театра мало волнует убогий вид потертых а иногда и рваных станков, неряшливые шиты павильонов? Неужели нет возможности найти марлю, чтобы по-настоящему задрапировать кулисы в картине сада пьесы «Потерянный сын», а не натягивать ее полукругом? Можно же было постлатать под цветы яркий ковер, чтобы они не выглядели одиноким холмиком? А разве так трудно, переставляя декорации, вертя сценический круг, не тянуть за ним занавес и не поднимать облака пыли?

Все это, конечно, мелочи, но мелочи, которые принижают спектакль — труд целого коллектива. А. МУНИН.

Второй жизни — 132, пропаганды марксизма, местной информации — 15-36, бухгалтер

нина, 3.

РАСНЫЙ СЕВЕР

Вологда

4 МАЯ 1961